

Итак, в день ареста Берии началась эра Хрущева. Главенство отца обозначилось сразу. Теперь при разъезде с различных мероприятий отцу подавали первому ЗИС, остальные члены Президиума ЦК толпились рядом, пожимали ему на прощание руку. Дверца лимузина захлопывалась, и только тогда разъезжались остальные. А вот в газетных публикациях тогда еще не перешли к упоминанию фамилий членов Президиума ЦК в алфавитном порядке, отец оставался на третьем месте, после главы правительства Маленкова и партийного старожилы Молотова. По существу это ничего не значило. Только вводило в заблуждение зарубежных советологов, вычислявших расстановку в советской иерархии по тому, кто рядом с кем стоит во время праздничных демонстраций на Мавзолее и в каком порядке перечисляют в газетах имена советских лидеров.

С исчезновением Берии Маленков буквально прилип к отцу. Продолжались наши совместные семейные прогулки, правда, теперь не по улицам Москвы. Их обоих начинали узнавать, набегала толпа, пожимали руки, передавали письма, что-то выкрикивали, что-то просили. Гуляли за городом. Если раньше мы заезжали к Маленкову, то теперь он сам все чаще приезжал в Огарево, вместе с отцом наблюдал за закладкой на зиму силоса в Усовском колхозе, присев на корточки и прищурив глаз, выверял параллельность рядков квадратно-гнездовой посадки картошки и кукурузы. Затем они прогуливались по окружавшим дачу заросшим березняком пригоркам, походя обсуждали происшедшие за день события, о чем-то договаривались, прикидывали, что обсудить на еженедельном, проводимом по четвергам, заседании Президиума ЦК. Маленков пока еще председательствовал, но повестку дня определял теперь отец. Конечно, не всю повестку. Она включала до семидесяти пунктов, в том числе вопрос назначения на не очень значительные должности, командировок за рубеж... Повестку дня в целом собирал воедино аппарат, докладывал Хрущеву и после его одобрения рассылал участникам заседания. Во время прогулок теперь больше говорил отец. Маленков внимательно слушал, периодически поддакивал. С каждым днем тон отца становился все более менторским, а Маленков все заметнее превращался из собеседника в слушателя. Происходившая метаморфоза, казалось, его абсолютно не тяготила, более того, устраивала. Наверное, так это и было, всю свою карьеру Георгий Максимилианович никогда ничем не руководил, всегда служил при ком-то: заведовал кадрами при Сталине, охотно записывал в блокнот произносимые вождем слова. Сначала они конкурировали с Молотовым, но Маленков постепенно оттеснял патриарха.

После XIX съезда партии на посиделках у Сталина он остался единственным «летописцем».

Я совсем не хочу представить Маленкова техническим секретарем. Человек умный и изворотливый, он интриговал, нередко побеждал в аппаратной борьбе. Достаточно вспомнить так называемое «Ленинградское дело». Тогда он и Берия, вернее Берия и он, ловко «устранили» из сталинского ближнего круга быстро набравших силу Кузнецова и Вознесенского. Однако когда приходила пора принимать самостоятельные, особенно рискованные, решения, Маленков пасовал, инстинктивно искал выход в консенсусе, вычислял большинство и присоединялся к нему. Большинство заменяло ему спину «хозяина». Консенсус хорош, когда в стране ничего менять не требуется. Поиск консенсуса в условиях перемен

– смерти подобен. Лидер перестает лидировать, плетется в хвосте изменчивых настроений большинства и неизбежно терпит поражение.

Послесталинский Советский Союз нуждался же не просто в реформах – в перестройке экономики страны, государственного устройства и всего общества. В таких условиях от лидера требуется не просто понимание, что и как надо делать, но убежденность в правильности избранной стратегии, твердая воля в проведении ее в жизнь, способность быстро ориентироваться в меняющейся обстановке. Настоящий лидер не уповает на консенсус, а, уверенный в собственной правоте, увлекает людей за собой. Именно в этом главное отличие Хрущева и Маленкова. Маленков мог бы стать хорошим руководителем стабильной и благополучной страны, где от него требовалось бы одно: не навредить. В бурном море реформаторства такой кормчий неизбежно гибнет сам и увлекает в пучину доверившуюся ему страну. Все это россияне испытали на собственной шкуре во времена Горбачева: бесконечные метания, боязнь ответственности, страх перед принятием решений, утрата контроля над страной и, естественно, печальный конец.

По какому-то наваждению российская история XX века заплутала, каждый раз повторяет ранее совершенные ошибки. В двадцатом веке России «везло» на таких «вождей», начиная с председателя Временного правительства в 1917 году, честолюбивого юриста и красноречивая Александра Федоровича Керенского. Отличный оратор, но в то же время никчемный руководитель, он постоянно искал консенсус с левыми, правыми, со своими генералами, с политиками Антанты и говорил, говорил, говорил. За что, переделав титул Главнокомандующего, его стали называть «Главногоговаривающим». Так Керенский договорился до полного развала власти, потери контроля над страной и армией и, как следствие, – потери самой страны.

Если приглядеться, то перестройка – это зеркальное отражение Февральской революции 1917 года, то есть когда левое становится правым, а правое – левым. Как Керенского, так и Горбачева роднит их стремление к косметическому реформированию, тогда как «ведомый» ими народ жаждет не ремонта, а полного преобразования. Взаимонепонимание власти с обществом обрекает и власть, и общество на поражение. Так случилось в 1917-м и повторилось в 1991 году. Горбачев проиграл Ельцину точно так же, как Керенский проиграл Ленину, только потому, что не мог не проиграть. Он мог, конечно, проиграть и не Ленину в октябре 1917-го, а генералу Лавру Корнилову еще раньше, в августе. Тогда бы история России пошла бы по иному руслу, но судьба самого Керенского не изменилась бы. Главнокомандующий, не способный к главнокомандованию – что может быть печальнее для страны?

В 1953-м чаша сия нас миновала во многом благодаря Маленкову. В отличие от Горбачева с Керенским, он интуитивно ощущал свою неспособность к лидерству, сторонился реальной власти. Именно поэтому он сначала примкнул к Берии, а почувствовав опасность, переметнулся к Хрущеву. И вот теперь он с готовностью во всем соглашался с отцом. Иногда во время наших прогулок или домашних посиделок Валерия Алексеевна, жена Георгия Максимилиановича, женщина решительная, властная и умная, затевала обсуждение какой-то проблемы, Георгий Максимилианович соглашался и с ней.

Стало модным рассуждать об альтернативном будущем, разыгрывая партию за проигравшую игру сторону. Фантазеры-историки, фантазеры-писатели придумывают, как бы мы жили при «реформаторе» Берии? Или при реформаторе Маленкове? Или при Жукове? Естественно, хочется, чтобы жили лучше, чем получилось, хочется чуда, сказки. Но если хоть чуть-чуть приглядеться к реалиям действительности, то при Берии мы бы жили в ГУЛАГе, при Жукове – в казарме или, не дай бог, в окопах. Жукова любят сравнивать с американским генералом-президентом Эйзенхауэром, но Эйзенхауэр был человеком мягким и дипломатичным. Жуков же, если искать ему американского двойника, скорее похож на генерала Дугласа Мак-Артура, а его прихода в Белый дом в США боялись пуще чумы, и к власти

не допустили. Как бы жили при Маленкове, страна узнала по горбачевской перестройке. А при Хрущеве мы жили так, как прожили.

Тяга Маленкова к постоянному контакту с Хрущевым проявлялась даже в мелочах. Наши дачи располагались неподалеку, на машине – минут пять-десять, но Георгий Максимилианович стремился к еще большей близости. Вскоре после ареста Берии, во время одной из прогулок он завел разговор: насколько удобнее было бы, если бы обе дачи соседствовали забор в забор.

– Можно пройти друг к другу так, что никто и не узнает, – фантазировал Маленков, – постучался в калитку – и ни тебе шоферов, ни охранников.

В те дни над членами Президиума ЦК еще довлела тень Берии, пугала зависимость везде и во всем от органов. Избавиться от соглядатайства, конечно, невозможно, иначе пришлось бы отказаться и от охраны. Маленков это понимал, но психологически поблизости от отца ощущал себя в большей безопасности.

Отец слушал Маленкова не перебивая: верный признак, что разговор его не заинтересовал.

– Твоя дача занимает большую территорию, – разглагольствовал Георгий Максимилианович, – можно отгородить дальний угол, сделать отдельный въезд, а между дачами, твоей и моей, поставить символический заборчик из штакетника. Возникнет необходимость посоветоваться, вышел из дома, никому ничего не говоря, откинул щеколду на калитке, постучал в дверь к соседу и обсуждай что хочешь и сколько хочешь.

– Конечно, Георгий, мысль хорошая, – равнодушно согласился отец и добавил какие-то еще ничего не значащие слова.

Мне затея Маленкова не понравилась. В дальнем углу не столько парка, сколько леса, он был настоящим парком, видимо, во времена, когда тут жил великий князь Сергей, росли грибы, в сентябре созревали орехи. Теперь орехи с грибами отходили к соседям.

Территорию дачи разгородили, сосны вырубili, провели дорогу и на обрыве над Москвой-рекой начали возводить дом в стиле помещичье-сталинского классицизма: фасад с колоннами, обширные террасы, стены внутренних помещений облицовывали деревом. В проектировании дачи активное участие принимали дочь Маленкова Воля и ее новый муж – оба архитекторы. Дачу, по аналогии с нашим «Огаревым» назвали «Новое Огарево».

Мечта Маленкова реализовалась не полностью – дачу построили, но к тому времени нужда в незаметных для посторонних глаз встречах отпала, сначала он потерял пост Председателя правительства, а затем, в 1957 году, и членство в Президиуме ЦК. Какое-то время дом пустовал. Затем ему нашли применение, там уединялись «авторские» группы работников ЦК, ученых, министров и их заместителей для написания особо важных бумаг, постановлений ЦК и правительства, отчетных докладов съездам партии и Пленумам ЦК. Калитка в штакетнике пригодилась. После работы отец нередко навещался к «писателям», начиналось порой затягивавшееся допоздна обсуждение.

Кроме того, на даче принимали важных зарубежных гостей. Я запомнил приехавшего в июле 1959 года на открытие Американской выставки вице-президента США Ричарда Никсона. Два года спустя отец почти целый день просовещался в Ново-Огареве с пресс-секретарем Белого дома Пьером Сэлинджером, другом президента Кеннеди и братом знаменитого американского писателя. Во время переговоров Сэлинджер непрерывно дырил сигарами, чем немало раздражал не переносившего табачный дым отца. Своих «куряк», он бы отправил отравлять воздух на балкон, но тут, соблюдая этикет, терпел.

Пришла пора прощаться, и отец вышел проводить гостя к машине.

– Одну минуту, – спохватившись, пробормотал он и, развернувшись, взбежав по ступенькам крыльца, скрылся в доме. Через пару минут отец возвратился, держа в руках узкую полированную деревянную коробку.

– Господин Сэлинджер, – хитро улыбнулся отец, – вы за день совершенно задымили меня своими сигарами.

Сэлинджер попытался оправдаться, но отец жестом остановил его.

– Вы – любитель сигар, и я слышал, что и господин Кеннеди ценит хорошие сигары. Я не курю, однако, сигары дарят и мне. Недавно мой друг Фидель Кастро прислал целую коробку. Вот я и подумал передарить их вам. У меня они пылятся без применения, а вы с президентом получите удовольствие.

Отец открыл крышку ящика. В нем аккуратными рядами лежали первоклассные кубинские сигары. На внутренней стороне крышки большие буквы выписывали по-испански: «Cuba libere».

У Сэлинджера загорелись глаза, из-за блокады острова уже больше года он не видел кубинских сигар. На надпись на крышке он не обратил внимания, подарок чисто личный.

Машина быстро домчала Сэлинджера до Внукова. В тот же день он приземлился в Вашингтоне. На аэродроме его ожидали, чтобы незамедлительно доставить в Белый дом. Через час Сэлинджер уже открывал дверь Овального кабинета.

Кеннеди попросил его подробно рассказать не только о содержании бесед с Хрущевым, но и о том, где встречались, как выглядел собеседник, улыбался ли или был настроен мрачно. Закончив доклад, Сэлинджер жестом фокусника достал из огромного портфеля коробку с сигарами и протянул ее Кеннеди со словами: «А вот, господин президент, нам с вами королевский подарок от Хрущева».

Кеннеди взял коробку, открыл плотно пригнанную деревянную крышку и побледнел. Затем оторопело перевел взгляд с надписи на внутренней стороне крышки на своего пресс-секретаря.

– Как вы пронесли *это* через таможню? – с ударением на «это» произнес Кеннеди.

– Вы шутите, господин президент, – улыбнулся тучный Сэлинджер. Я ваш пресс-секретарь. Какая таможня?

«Как он не понимает, – пронеслось в голове Кеннеди, – стоит прессе пронюхать об этих сигарах, и разразится грандиозный скандал. Мало того что президент США курит контрабандные сигары, полученные от премьера советского правительства, так еще эта надпись! Как он не понимает!..»

– Садитесь в машину, возвращайтесь в аэропорт, пройдите таможенный досмотр, как полагается по закону, – потребовал президент.

Двусмысленность ситуации Сэлинджер понимал не хуже президента, но сигары... Таких он не курил со времен Батисты. Кастро знал, что подарить Хрущеву. Выкурить их, и дело с концом.

– Господин пре... – начал было Сэлинджер, но взглянув на ставшего вдруг неприступным Кеннеди, осекся.

Сэлинджер вернулся в аэропорт, предъявил сигары таможеннику. Тот с любопытством заглянул в ящик и начал деловито оформлять конфискацию.

– Весь день я не мог забыть эти проклятые сигары, – рассказывал мне в 1994 году в США, в Брауновском университете, на конференции, посвященной 100-летию отца, постаревший, еще более располневший и так же дымящий сигарой Пьер Сэлинджер. – И на следующий день я думал о них. Наконец не выдержал, позвонил начальнику таможни, спросил, как они поступили с моими сигарами?

– Уничтожили согласно инструкции, – последовал стандартный ответ. Сэлинджеру ответ показался наглым.

– Конечно, уничтожили, не спеша, сначала одну, потом другую и так до последней, – при этом Сэлинджер, почти сладострастно задвигал губами, как бы попыхивая воображаемой сигарой.

Вскоре после ареста Берии Маленков предложил отцу переехать из квартир на улице Грановского в особняки. Он присмотрел два в переулках между Метростроевской и Кропоткинской улицами (ныне соответственно Остоженка и Пречистенка). Отец согласился. За переоборудованием особняков, как и за строительством Ново-Огарева, наблюдали Воля и ее муж. Через некоторое время мы поселились в Еропкинском переулке, а Маленковы – в Померанцевском. Оба участка, Маленковых и наш, сообщались через калитку в разделявшем их каменном заборе.

Затем неугомонный Маленков предложил новый переезд. Он задумал всех членов Президиума ЦК переселить в новые двухэтажные особняки на Ленинских горах, напротив Мосфильма. Там и свободного места для прогулок больше, можно посадить деревья, проложить дорожки, да и на отшибе особняки будут меньше мозолить глаза москвичам. Воля с мужем традиционно приняли активное участие в проектировании резиденций. Каждый дом окружал миниатюрный парк. Со стороны улицы соорудили общую высокую каменную стену. Внутри участка разгораживались стандартными, выкрашенными в зеленый цвет деревянными заборами. В заборах прорезали калитки. Ох уж эти калитки. Теперь при желании могли общаться не только отец с Маленковым, но можно было собрать неофициальное заседание Президиума ЦК.

На Ленинские горы, в особняк номер 40, рядом с новым правительственным Домом приемов переселился Каганович. В следующем – обосновался Маленков. За ним – Хрущев, а дальше – Микоян и Булганин. Не все члены Президиума ЦК согласились покинуть центр города. Жившие в Кремле Климент Ефремович Ворошилов и Вячеслав Михайлович Молотов, оставшиеся бесквартирными после открытия в 1955 году территории Кремля для посетителей, переехали на улицу Грановского.

Правительственный поселек просуществовал около десяти лет, обитатели домов постоянно менялись, с потерей места в Президиуме ЦК приходилось освобождать государственную резиденцию. Москвичи иронически прозвали его «Колхозом “Путь к коммунизму”». После отставки отца Брежнев и его окружение покинули особняки, предпочли им квартиры во вновь построенных в центре Москвы элитных домах. Свое решение они объясняли скромностью и отказом от привилегий, но на деле ими двигали практические соображения. Квартиры, еще более шикарные, чем покидаемые особняки, в отличие от последних считались не государственной резиденцией, а навечно закрепленной жилплощадью.